

Давно хотел написать о прозе Михаила Тарковского. Первой книгой нового дня меня, автора, стал сборник повестей под общим заголовком «Енисей, отпусти». До этого события приходилось читать только статьи о представителе знаменитой фамилии в русской литературе. В начале прошлого года в журнале «Наш современник» критик и филолог Алексей Татарinov уже обсуждал произведения моего земляка. (1) Но работы, которые он подверг критическому разбору, были опубликованы в других книгах и в сборник «Енисей, отпусти» не вошли. Тем легче мне сказать своё слово. Хотя бы потому – что я тоже живу на берегах Енисея и прообразы героев книг Тарковского мои земляки. Поэтому материал получился не совсем литературоведческий. Это, скорее, рассказ о своих впечатлениях от чтения на месте описываемых в книге событий.

Писатель Тарковский духовно сосуществует внутри всех сюжетов своих рассказов и повестей. И подход к прозе у него, на мой взгляд, часто очень поэтический. В результате из «записок», например, охотника-промысловика о повседневных делах получается неповторимая, живая, полная поэзии картина человеческого суще-

ствования в данном конкретном месте. Все эти катера и бульдозеры, охотничьи и рыбацкие будни – из привычных нам всем героев газетных очерков – преобразуются в художественные образы, над которыми не властно время. В них «дышит почва и судьба» человеческая, в них – весь неповторимый жизненный уклад Сибири! Такой подход автора к своим «рядовым героям» критик Татарinov называл «миссионерским». Может, и так!

Я по-своему вижу миссию Тарковского в том, чтобы познакомить нас как можно нагляднее и глубже с суровой приенисейской действительностью, используя *«реалистическое изображение, без яркости портретов, без сумасшедших коллизий»*, но каждый раз... озарив повествование образами из своего поэтического арсенала. От такого литературного приёма вполне реалистический текст получает странное свечение, наполняется романтическим звучанием... Писатель Тарковский здесь словно пунктиром только намечает путь русской литературы к загадочной природе Сибири, где есть всё для создания шедевров в области портрета и увлекательных сюжетов. Но это, возможно, будет реализовано другими авторами... А Таковский

– первопроходец в этот еще не познанный мир! На первый взгляд его повести по сюжету – путевые заметки охотника! Правда, в каждой из них, обычно ближе к концу повествования, оказывается, что речь идёт о самых важных в жизни вопросах, определяющих смысл бытия. И всё написанное – повод для раздумий вдумчивого читателя.

Критиком Татариновым, в упомянутой выше статье, верно отмечено безусловное умение писателя *«пройти между закономерной духовностью литературы и фарисейством безапелляционного обладания истиной»*.

В книгу Тарковского «Енисей, отпусти» всем своим существом погружаешься так, словно на несколько месяцев поселяешься в зимовье. Есть в книге **повесть «Отдай моё»**, которая, на мой взгляд, наиболее ярко показывает всё своеобразие поэтики писателя. Вот, например, как преображён будничным мир Енисея. Густое молоко тумана вытекает в реку по еле заметному ручью, *«словно переполненная счастьем душа»*. В этом сибирском «лукоморье» рыба-ленок накачана *«породистой плотью»*, *«У Енисея волны крупные, одушевлённые, необыкновенно деловитые, как будто вслед (за птицами гонит весна на север какие-то бесконечные стада»*. По великой реке... *«пронеслось вниз судно, как лунами, опоясанное иллюминаторами»*.

Таёжная жизнь сама по себе есть законченный экзистенциальный шедевр. Только будь терпелив и добр, только люби её до самых мелочей, и следуй за ней, и осмысливай её, какая она есть. И осторожно записывай.

А попытаешься «похудожественней» изобразить, закрутить сюжет, чтобы удивить читателя, и тут же всё испортишь... Искусство закончится!

Любимые мною сибирские авторы старшего поколения – Валентин Распутин и Виктор Астафьев, и младшего – Анатолий Байбородин, записывали тексты, словно диктуемые с небес. В их прозе не было «сочинённости», не замечалось скрепляющих текст «швов» из разных литературных приёмов. Всё смотрелось единой, тщательно выписанной картиной.

Мы пойдём по неверному пути, если будем по привычке называть таёжную среду провинциальной. Так можно говорить о прозябании множества людей лишь в некоторых сибирских посёлках городского типа, только слегка тронутых всеобщим процессом урбанизации. Имеются в виду отдалённые места, где нет крупного производства, нет большой реки или железной дороги. В этих вечно временных поселениях всё на живую нитку, всё еще в процессе становления – формирование социальных слоёв, культуры быта. Отсюда и неустоявшееся в традициях и правилах сознание маргиналов. К сожалению, такие полугорожане стремятся во всём подражать жителям мегаполисов, и получается невразумительная эклектика стилей и целей, обывательщины и лирики, мещанства и прекрасных порывов души.

Да и в мегаполисах «рыночной» России жизнь рассыпалась на фрагменты из отдельного существования разных социальных слоёв, обычно духовно далёких друг от друга.

В сборнике под названием «Стимулы, парадоксы, провалы.

Город глазами экономистов» специалисты отмечали: *В Москве холодно, в ней размыт центр, и большая часть его безлюдна, в кафе и ресторанах очень дорогая еда. Москва – недоделанный город, она создана не для людей.* (2)

Это писалось в 2015-м году. С тех пор мало что изменилось и в столице, и в областных центрах отдалённых регионов. Вопреки пожеланию учёных, в городах не стало больше мест, где люди свободно общаются между собой на почве самых разных интересов. У них нет общей «почвы», общих идеалов, как это было в советское время. Не это ли гонит творческих людей прочь от странных человеческих «муравейников», где как раз и не хватает подлинного человеческого общения?

Приезд Михаила Тарковского в наши таёжные края, очевидно, тоже связан с поисками полноты духовного счастья, которое не терпит нынешней российской «рыночной» суеты.

В своё время обратный вояж – из наших глухих мест в мегаполис – совершил другой сибирский писатель Роман Сенчин. И обнаружил, что из нынешних жителей больших городов получают очень несимпатичные, нестроенные литературные герои, погрязшие в мелочной борьбе своих гордынь и других страстей. Они живут текущим днём, добывая пропитание и развлечения. Цели их обыденны, будни их однообразны. Критики даже жалели писателя, вынужденного рассказывать о «жизни, лишённой движения». В интернете запечатлены вот такие выводы: герои **Сенчина** или уже находятся, или внезапно попадают в такое пространство, где любовная лодка

вообще невозможна как понятие, где о ней или не знают, или давно не помнят.

Не случайно писателя Сенчина всё больше и больше тянет к нашей сибирской тематике (роман «Зона затопления», например). Дождь у него может идти и в Париже (как в одноимённом романе), а душа писателя будет в далёкой Туве.

Герои повестей сборника «Енисей, отпусти» Тарковского сами строят небольшие суда для плавания на великих сибирских реках, сами создают «любовные лодки» (образ В. Маяковского) с российскими женщинами, которые еще не забыли главный Божий наказ: для чего жить им на Земле!

В жилых таёжных посёлках по берегам Енисея, где живут охотники-промысловики и геологи, жизнь вообще ДРУГАЯ! Её мало изменил новый технологический уклад, преобразовавший весь мир. Он просто еще не завоевал эти дикие пространства, где идёт ежедневная борьба за существование! Описывая эту борьбу, не надо выдумывать детективные сюжеты. Здесь каждый день начинается с очередного «сражения» с чем-то и за что-то, как бывало у солдат на войне. Весь год идёт заготовка чего-нибудь – летом к зиме, зимой к лету. Брагу, и ту пьют на ходу, а водку для обогрева – в процессе какого-нибудь очередного неотложного дела. Тарковский изображает это состояние человека так: *«у Виктора же это настоящее и было самым главным и желанным и не тускло, а лишь наливалось новой яркостью...»* Читателя, который думает, что имеет дело просто с талантливой беллетристикой, считаю необходимым еще раз предупредить, что к некоторым страницам надо

возвращаться снова и перечитывать их, потому что писатель в своих повествованиях всегда оставляет нам философский подтекст: *«и дело не в соболе, не в ягоде и орехе, не в рыбе и не в мясе, а в чём-то другом, с какой-то существующей за гранью всего этого «сверхдобыче», которая определяется правотой всякого шага, не знающего сожаления о потерянном времени и силах...»*

Недавно я случайно увидел в Ютубе отрывок из многосерийного фильма «Достоевский», где наш православный гений, Фёдор Михайлович, бросил упрёк представителям российской интеллигенции, которая **много говорила, но никогда не участвовала в прямых и текущих делах России**. Отчасти это и до сих пор справедливо. Даже в оценках критиков прослеживается привычная «отстранённость» столицы от провинции. Михаила Александровича Тарковского хвалят за *«знание провинциальных контекстов, за общение с природой и умение воссоздать радость... принципиально не столичных встреч»*. А хвалить бы надо за то, что наш современник Тарковский словно внял совету писателя Достоевского и решил уехать в провинцию, чтобы «вглядеться» в свой народ со всей пытливостью творца, богато одарённого природой, и попытаться прямо участвовать в его жизненно важных делах!

Когда читаешь его повести, создаётся стойкое впечатление, что писатель на новом месте обнаружил «целую новую вселенную», которая необычайно интересна сама по себе, **в том числе как эстетический феномен**. Правда, в отличие от Фридриха

Ницше, который предлагает этим обстоятельством всем нам и утешиться и утверждает, что жизнь в целом только как феномен и оправданна, для Тарковского этот феномен лишь небесный ЗОВ к новым мирам, к чему-то высшему, духовному, что еще предстоит разгадать.

Это в воспалённом мозгу Ницше Бог умер, и смыслом жизни стало исключительно эстетическое наслаждение физическими красотами мира и собственным могуществом. Вместе с Вольтером и другими европейскими философами Ницше стал предтечей европейской атеистической цивилизации, которая стремится «избежать тоски в объётах наслаждений» (очевидно, тоски по Горнему миру), и где люди миллионами летают с континента на континент в поисках новых изысканных блюд и природных видов.

Но на российской благодатной земле под названием Сибирь зашифрован духовный феномен, который не даёт покоя писателю Тарковскому!

Герой повести «Кондромо» Виктор даже задаёт себе вопрос: сможет ли он ради близких, ради семьи оставить этот природный рай? И не находит ответа. Интуитивно писатель постепенно приводит себя и нас к такому выводу: сибирская натура жива, пока живёт страстью преодоления всех испытаний текущей действительности, которая так сурово не гостеприимна, «не прибрана», не «пострижена» под общую гребёнку» всемирного общества потребления.

Но очевидно, сама чистая природная натура повреждена! Об этом очень осторожно писатель

напоминает в повести «Кондромо». *«И утеряла жизнь скрипучую поступь, став размашистей и жиже, словно удар прогресса сводил на нет нажитую прочность, а тяга к этой прочности осталась».*

В природе надо жить всем своим существом и эту «прочность» восстанавливать. Пройти все испытания, которые она предложит. И тогда она даст и смысл, и вкус и к Святым местам приведёт!

В «Кондромо» на узком пространстве относительного короткого повествования писатель пробует создавать портреты. Новая возлюбленная Настя «вырастает» в судьбу из обычной встречи в светных буднях.

Очень интересен сосед главного героя по имени Геннадий. *«Во всём облике его... в движениях, сильных и одновременно тягуче-плавных, была та русская ладность, которую так тонко чувствовали старинные писатели».* Да, чувствовали. Но не развили, не сделали глубокие выводы из своих наблюдений. Не вывели на общенациональный уровень обсуждения судьбоносного вопроса: как нам наилучшим образом использовать для развития страны особенности нашего менталитета.

В девятнадцатом веке великий Иван Сергеевич Тургенев увидел среди крестьян такие ярко выраженные психотипы, как Хорь и Калиныч. Один из них по своему складу – мечтатель, другой – хозяин. Для каждого из них была необходима своя среда, своя социальная цель, свои возможности для её реализации на благо всего общества. Но большинство представителей интеллектуальной

России смотрело на Запад. Тургенев вообще уехал из России. Спор критиков и литераторов шёл до самого прихода к власти большевиков.

Тарковский как бы продолжает ту работу, которую российская творческая интеллигенция должна была делать непрерывно: изучать свой народ, чтобы вместе с ним искать пути к той общей гармонии между обществом и государством, которая отличает благополучные страны.

В повести «Кондромо» писатель показал, что может быть сильным портретистом в литературе. Вот еще штрихи к портрету героя Геннадия. *«По хватке, по строю мысли, по отношению к хозяйству, деньгам и семье с охотничьим форсом соседствовала у Геннадия крепкая жила – от купцов ли, кулаков, от богатых хозяев – своя скупая рациональная сила, своя философия и своё раздражение к глупому миру».*

Так, по едва уловимым приметам был определён и запечатлён самобытный чисто российский социальный тип человека. Если бы наша творческая интеллигенция более пытливно подходила к вопросу: какова мировоззренческая «начинка» у каждого нашего социального слоя – возможно, не истощали бы мы себя, как народ, в многовековых конфликтах, вплоть до Гражданской войны 1917-го года. Вовремя бы нашли гармонию интересов, если бы поняли существо исповедуемых каждым типом людей основных ценностей.

«Раздражение к глупому миру» того же хозяина-кулака можно победить, если интеллигенция и в учебных заведениях, и во всех видах искусства сумеет показать

полезность других социальных слоёв, для которых материальная обеспеченность, а тем более богатство, – не главное. Мечтатель в России так же нужен нам, как и хороший кузнец и хлебопашец. Только из раздобревшего на эксплуатации бедных крестьян «кулака» надо «выбить» мироеда, жадного до прибыли без всякой меры и учёта российских реальностей. Из бедняка – надо выбить лень и вредную мечтательность Емели из известной сказки: получать блага по «щучьему велению».

Бороться с вредным максимализмом российских социальных слоев, сформированных под влиянием всех наших национальных качеств, – дело долгое. Но только такой стратегический путь сулит удачу. У нас же «к началу 60-х годов (XIX века) усилилось чувство партийной принадлежности, раскалывающее русское общественное мнение на множество взаимоисключающих отделений и категорий» (3).

Каждый социальный слой в нашей державе всё время боролся за выгодное для него лидерство, **а за общее духовное состояние населения не отвечал никто!**

К сегодняшнему дню ситуация нисколько не улучшилась. Но политические теории перестали привлекать активную часть населения РФ. Здесь важен пример другой жизни, которую может волевым усилием создать любой наш соотечественник, умеющий работать.

Не это ли пытается сказать нам писатель Тарковский. Герой его повести, таёжник, возвращает нашим будням их полноту, где каждый день длится очень долго, и ты словно купаешься в переизбытке времени, которое тебе даровано Небесами.

Виктор сам строит большую лодку, которая представляется мне, читателю, образом ковчега, плывущего в особый мир. На новом судне *«можно ходить по всей длине и переставлять груз»*, метко замечает создатель лодки. И такая вольная ходьба – первый шаг к какой-то непознанной свободе духа. По-новому смотрится здесь и подруга-жена. Кажется, Господь даёт хозяину «ковчега» лодки осознание, что у женщины в этом мире особая роль... Ему был ниспослан с Небес только намёк, откровение, суть которого ему еще предстоит понять!

Критик Татаринов в упомянутой выше статье пишет, что *«Михаил Тарковский в антигностическом усилии учит любить тело земли, леса, воды»*. Я бы к сказанному добавил, что писатель и сам учится любить земной мир и пытается понять его суть, слившись с природой всем своим существом.

Пока молодые люди двадцать первого века плохо уживаются с внешней суровостью этих мест. Их пока больше всего привлекает мегаполис со всем набором рыночных услуг. Об этом писатель с горечью повествует в других рассказах, вошедших в книгу «Избранное». Но сам он своими книгами, своим примером жизни на берегах Енисея обязательно привлечёт внимание новых поколений, и кто-то обязательно выберет такую же судьбу.

Помню, как в книге о буддизме учитель рассказывал, с помощью каких средств войти в состояние нирваны. Тарковский в повести «Кондромо» о путешествии на собственном «ковчеге» описывает, как герою удаётся войти в гораздо более продуктивное

состояние, а именно: состояние гармонии с действительностью. Только это состояние позволяет увидеть по-новому и себя, и природу, и всех окружающих людей. Например, как лицо жены *«вспыхнуло своей единственностью и провалилось в душу до таких глубин, что выбило пробку, и тогда всё окружающее: и кристальное зарево горизонта, и зыбь ветра, и близь родных существ – хлынуло в сердце непосильным и согласным потоком»*.

Герой повести «Кондромо» Виктор решается на отчаянный поступок: поселиться с женой и

маленьким сыном в заброшенном геологами посёлке. Виктор как пуповиной связан с суетным миром людей необходимостью в будущем учить и лечить своего ребёнка. И всё же соблазн пожить самостоятельно, своими силами вдали от людей слишком велик! Он всё потом решит, всё устроит – и жизнь детей, и счастье жены, и своё основательное, долгое житье на бесконечных енисейских берегах, где столько простора для счастья.

Пока такие люди у нас есть, и большие надежды на наше возрождение тоже есть!

---

1. А. Татаринов. «Огромное пространство счастья»

Журнал «Наш современник», 2019 г, № 2.

2. Издательство Strelka press, Москва, 2015 г. Стр.34

3. Д.П. Святополк-Мирский. «История русской литературы», Стр.441.